

Смех и смеховая форма в жизни дошкольника.

В отечественной психологии юмор, смешное вообще и в дошкольном возрасте в частности похоже на что-то вроде белого пятна на географической карте: всем про него известно, но что оно из себя представляет - никому не ведомо. В периодике мне удалось найти на эту тему лишь две статьи [7], [4]. Есть еще популярная книга. А.Н.Лука [6], а также богатое материалом исследование К.И.Чуковского "Лепые нелепицы", которое посвящено рассмотрению структуры и функций "перевертышей", существующих в фольклоре и литературе, — таких стихов и сказок для детей, где "функции предмета А навязываются предмету В, а функции предмета В навязываются предмету А" [9, с.229]. Из зарубежных работ на эту тему известно фундаментальное исследование З. Фрейда [8], в котором анализируется остроумие, его виды, структура, функции, а также психологический механизм действия остроты. Остальные работы, касающиеся смеха и юмора, имеют не психологический, а либо философский [2], либо культурологический и литературоведческий характер [1], [5].

Непсихологические работы, посвященные проблеме смеха, много проясняют в логике и истории смеховых форм, но не указывают на психологический акт и механизмы взаимодействия слушателя (читателя) и смеховой формы, поэтому они могут служить в психологическом исследовании лишь дополнительным материалом. Обращение З.Фрейда в объяснении психологических механизмов остроумия и смеха к принципам удовольствия и экономии психической энергии является, на мой взгляд, весьма эвристичным, но, во-первых, практически не касается детского смеха и, во-вторых, в своих выводах объясняет скорее индивидуально-биографические причины происхождения остроты и иронии, чем всеобщие характеристики смеховых форм.

Смеховая форма, на мой взгляд, — явление *эстетическое* — в том смысле, в каком его понимал Л.С.Выготский [3], то есть сущностно противоречивое устройство материала, обуславливающее у воспринимающих возникновение "эстетической реакции". Между тем характер эстетической реакции, возникающей от восприятия смешного, существенно иной, чем, скажем, реакции, возникающей

после восприятия трагедии, хотя причины возникновения обеих формально схожи: и в том, и в другом случае материал организован противоречиво, двупланово, двусмысленно. В чем же состоит отличительная особенность смешного, смеховой формы в ряду других эстетических форм?

Мы исходим из интуитивно очевидного положения о том, что дети смеются над смешным и смешное обладает только ему свойственными характеристиками. Под смешным мы будем понимать особым образом организованное содержание. Что же это за содержание и в чем состоит "особость" его организации? Попробуем, анализируя несколько наблюдавшихся мною случаев смеха дошкольников, выделить какие-либо общие для них характеристики смеховых форм.

Леша (3 года) и Саша (4 года), за обедом в детсадовской группе. Сидят за столом, балуются, стучат ложками по тарелкам, смеются. "Перестаньте баловаться. Как хрюшки!" — говорит им воспитательница и уходит. "Мы — хрюшки!" — радостно говорит Леша и хрюкает несколько раз подряд. Саша смеется, после смеются оба.

Что мы можем сказать здесь о причинах детского смеха? Бергсон [2] показал, что для восприятия смешного субъект должен обладать культурным, разделяемым некоторым обществом знанием. В приведенном случае, на мой взгляд, сквозь смех просвечивает тот факт, что дети начали понимать "символическое название" конечно же, они не хрюшки в том виде, в каком они видят свиней в деревне или в мультфильмах, но в то же время они и "хрюшки", то есть люди, ведущие себя некрасиво, неряшливо, и в этом смысле воспитатель вполне может их так назвать, и они этот культурный вид порицания понимают и осмысляют (принимают) с помощью такой вот буквализации. В этой связи любопытно заметить, что К.И.Чуковский называл "любимой интеллектуальной работой трехлетних и четырехлетних детей" изобличение всяческих небылиц, делание им "очной ставки с реальными фактами" [9, с.250]. Что же, как не делание "очной ставки", есть это детское поведение: их называют "хрюшками", они этими "хрюшками" прикидываются и смеются. Смеются, я думаю, как раз потому, что уже имеют представление о "символическом назывании": не будь у них этого представления, и они бы просто не поняли, о чем идет речь, когда их называют "хрюшками".

2. Тоже за обедом. Вова, Коля и Саша, всем — по пять лет. Едят курицу. Саша —

Вове, фамилия которого Курочкин, показывая кусок курицы: "Это - ты! Мы тебя едим", после чего вместе с Колей смеются, в то время как Вова смущенно объясняет, что вовсе не его они едят, а "просто у меня фамилия такая", что, кажется, и так всем ясно — а иначе разве было бы смешно?!

Сразу хочется отметить, что здесь имеет место этакое полуложное отождествление, постулирующее равенство куска курицы и Вовы Курочкина только на основании сходства слова "курица" с его фамилией. Дети способны уже не только улавливать сходства в названиях, они к тому же понимают, что это не более чем сходства в названиях, что Курочкин и курица — вещи разные, но вот называются похоже.

3. Девочка 6-7 лет, рассказывает мне про лето: "Я летом в деревне была. Там коровы... Много коров, стадо коров ... Гм, собрание коров!!", смеется.

Стадо и собрание — вещи разные, но что-то общее в них тем не менее чувствуется. Это* общее, на мой взгляд, то, что оба слова обозначают большое количество живых существ — в первом случае ("стадо") — животных, во втором ("собрание") — людей. Совмещая, таким образом, коров и людей, девочка добивается комического эффекта и сама же смеется.

4. На прогулке в детском саду. Вова (5 лет) и Паша (6 лет), отделившись от основной группы детей, нашли бутылку из-под шампанского. По настоянию Павлика Вова в нее помочился, после чего Паша водрузил бутылку на забор и, отойдя на шаг, стал пальцем указывать на нее и кричать: "Это — вино!! Это — вино!!", всякий раз смеясь. Рассмешил таким образом Вову, который стал повторять его действия и смеяться.

Можно предположить, что дети преодолевают собственное представление относительно "единственности" применения бутылки (то есть представление о том, что вино и бутылка связаны между собой "кровной" связью и кроме вина в бутылке быть ничего не может), расширяя таким образом систему собственных представлений

Можно предположить, что смешна для детей в этом случае не форма (отождествление двух различных "материй" через бутылку), а наличие в ней эмоционально нагруженного вещества — мочи. Но ведь у нас есть и предыдущие случаи, по форме удивительно схожие с этим. Это заставляет предполагать, что смешна для детей здесь скорее форма, особым образом организованное содержание, а не содержание само по себе.

Теперь проанализируем представленные здесь феномены, поищем в них общее.

Похоже, что в каждом из них наблюдается следующее явление: дети называют один объект именем другого, отождествляют два разных объекта. Но - !!! - отождествление это всякий раз чем-то обусловлено. Так, в случаях 1 и 2 обуславливающим отождествление моментом выступают слова "хрюшки" и "курица", в случае 4 — винная бутылка, имеющие жесткую стереотипию значения, а в случае 3 — некоторая общность в значениях слов "собрание" и "стадо", а именно — содержащееся в них указание на большое количество живых существ.

Таким образом, мы имеем отождествление двух разных объектов с помощью некоего "отождествителя", который принадлежит как одному, так и другому отождествляемому объекту (см. *схему 1*).

Схема 1.

Исходя из этого, можно сформулировать в первом приближении технику юмора в представленных здесь случаях как **допустимое отождествление различного**, причем допустимость эта, видимо, имеет — применительно к детскому юмору — "двойной план":

а) *внешняя, объективная*: — так сказать, "культурно обусловленная" допустимость: так уж случилось, что в бутылке, как правило, находится вино, а словом "хрюшки" называют не только свиней, но и нерях;

б) *внутренняя, субъективная, возрастно-обусловленная* допустимость, определяющаяся уровнем развития психики и личной историей смеющегося (чтобы доказать это последнее утверждение, достаточно спросить у читателя, так ли уж смешны были для него приведенные здесь детские шутки? Думаю, сами по себе они покажутся глупыми и именно "детскими", и хоть и не лишенными наивного комизма, но далеко не в той степени, которая нужна, чтобы вызвать наш смех. Или же — сравните излюбленные анекдоты младших школьников и подростков - разница очевидна)

На мой взгляд, смеховая форма есть один из видов диалектических структур сознания, этих "самостоятельных познавательных структур, характеризующихся особыми, существующими в культуре средствами, позволяющими ребенку удерживать и направлять акт познания на два полюса одного и того же объекта или явления... Эта структура, с одной стороны, позволяет выявить противоположные свойства объекта и его развития, а с другой - позволяет утвердить "норму" объекта через обратную позицию" [4, с 82-83]

Наконец, я полагаю, что смеховая форма в представленном здесь виде есть та основа, на которой возрастает у человека с возрастом чувство юмора.

Остается добавить, что исследование смешного в психологии представлено разрозненными точками зрения и нуждается прежде всего в тщательной постановке вопроса.

Литература.

- 1 Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М,1990.
- 2 Бергсон А. Смех/ сб. Психология эмоций. Тексты. МГУ. 1984.
- 3 Выготский Л.С. Психология искусства М,1986.
- 4 Дьяченко О.М., Веракса Н.Е. Элементы "карнавальной культуры" в развитии ребенка-дошкольника/ Вопросы психологии. 1994. №4.
- 5 Лихачев Д.С. Смех в Древней Руси. Л, 1984
- 6 Лук А.П. О чувстве юмора и остроумии. МД968.
- 7 Розов А. И. Переживание комического в свете некоторых более общих закономерностей психической деятельности / Вопросы психологии. 1979. №2.
- 8 Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному /"Я" и "Оно". Тбилиси, 1991.
- 9 Чуковский К.И. Лепые нелепицы/ кн. От двух до пяти М, 1960